

УДК 94(47+57) «1861–1917»

В.Н. Кудряшев

**НАЦИОНАЛЬНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ПРОЕКТОВ РАЗВИТИЯ РОССИИ
В ТРУДАХ ЛИБЕРАЛЬНЫХ НАРОДНИКОВ (1870–1890-е гг.)**

Анализируются взгляды либеральных народников на состояние и перспективы межнациональных отношений в Российской империи. Выявляются существенные отличия между ними в таких принципиальных вопросах, как признание этничности консолидирующим фактором, роли национальностей в историческом развитии.

Ключевые слова: народность, нация, национализм, социальная дифференциация.

Либеральное народничество, оформившееся как самостоятельное течение в начале 1870-х гг., было весьма неоднородным. Разброс мнений по важнейшим вопросам общественной жизни был значительным. Это дало повод исследователям народничества выделить в нем три устойчивых направления. Н.К. Михайловский, С.Н. Кривенко представляли левое крыло, сохранявшее общие взгляды с революционными народниками по ряду проблем. Центристские позиции занимал С.Н. Южаков. Наиболее ярким представителем правого фланга был И.И. Каблиц [1. С. 25–26, 47–48, 120–121]. Н.К. Михайловский категорически оппонировал утверждению славянофилов о существовании русской нации как общности, проживающей на определенной территории и сплоченной единством языка, культуры и религии [2. Т. 3. Стб. 448]. Он ставил под сомнение интегрирующие возможности этих факторов на длительные исторические периоды. Публицист, признавая наличие особых национальных черт и характеристик, подчеркивал, что большинство из них не могли оказывать определяющее воздействие на развитие общества: «Легко указать чисто физические особенности нации – овал лица, цвет волос и глаз и т.п. – но зато они не имеют ровно никакого значения в культурно-историческом смысле» [3. Т. 3. Стб. 880]. К подобным внешне заметным, но второстепенным признакам относятся фольклор, элементы народного быта [4. Т. 3. Стб. 823–824].

Действительно важные «высшие духовные особенности» (например, народный характер), по его мнению, трудно поддаются идентификации, и определить закономерности их проявлений в истории народов невозможно [3. Т. 3. Стб. 880]. Кроме того, предлагаемая большинством апологетов национального единства комбинация черт, служащая идентификатором национальной принадлежности и национальных отличий, весьма изменчива. Например, религия, рассматриваемая

славянофилами в качестве одного из важнейших элементов русской идентичности, не является константой. В истории находится множество примеров перемены народами религии под воздействием внешних или внутренних факторов. Результатом военной или культурной экспансии часто было насильственное или естественное распространение религии на множество национальных государств, сохранявших свой суверенитет. Н.К. Михайловский указывал, что утверждение славянофилов о «вселенском характере» православия, противоречит их же идее конфессиональной уникальности России. В результате, по мнению публициста, «национальная окраска» спорадически проявлялась в историческом развитии народов, усиливая или ослабляя особенности политического устройства, культуры, но не влияла на направленность этого развития: «Но все это различия в степени, а не в типе общественных отношений» [3. Т. 3. Стб. 880].

Основной причиной отрицания Н.К. Михайловским возможности национального единства была социальная (сословная) дифференциация общества. Социалист был принципиально не согласен с предлагаемой славянофилами трактовкой русской истории, в соответствии с которой в допетровский период сформировалась социокультурная и религиозная общность – русский народ, включавшая все социальные группы, но расколотая в результате насильственной европеизации в XVIII в. По его мнению, разделение общества было изначальным, происшедшим еще в догосударственный период и на основе не культурно-религиозных, а социальных факторов [2. Т. 3. Стб. 448].

Социальные различия определили различия в условиях и образе жизни представителей различных сословий, закрепились в поведении, элементах быта, фольклоре. Многие черты, рассматривавшиеся славянофилами как проявление русского

национального характера, духа, Н.К. Михайловский интерпретировал как следствие действия экономических факторов. Например, в соломенных крышах крестьянских изб он видел не проявление особой русской ментальности, а только результат отсталости и нищеты русских крестьян. Кроме того, они были характерны именно для крестьянских, но не для дворянских домов [4. Т. 3. Стб. 823–824]. Публицист не уделяет много внимания доказательству или иллюстрации зависимости духовной культурной среды от социальной дифференциации общества, считая подтверждением тому существование двух автономных и враждебных миров, имеющих свои отличные духовные и моральные ценности. Он солидарен с Л.Н. Толстым, который «...не признает этого единства русских людей, или, по крайней мере, усматривает в нем такие два крупных обособления, что считает возможным приравнять их отношения к отношениям враждебных национальностей. Для него «общество» и «народ» стоят друг перед другом в таких, если так можно выразится, нравственных позах, как французы и немцы в тот момент, когда они взаимно величают друг друга безмозглыми и пустоголовыми» [2. Т. 3. Стб. 448].

Отрицая возможность национального единства, Н.К. Михайловский допускал и даже настаивал на консолидации по сословному (социальному) принципу. При этом доказывалось наличие у сословий особых нравственных ценностей, культуры, менталитета. Принцип приоритета социальных факторов над духовными в локализации человеческих сообществ выливается у публициста в ситуацию, когда последние реализуются не как условия национальной, но как элементы (пусть и вторичные) сословной консолидации. То есть народник отказывался воспринимать данные факторы в качестве признаков нации, но в результате социальной дифференциации они становились маркерами сословий.

По мнению Н.К. Михайловского, сословная структура носила универсальный, одинаковый для России и Европы характер. Дискутируя с Н.Я. Данилевским, публицист старался показать наличие общих черт у российского и европейского феодализма, сформировавших аналогичные сословные структуры. Так как особенности образа жизни и порождаемые ими моральные нормы и культура производны от сословной принадлежности, то социалист поставил под сомнение достоверность предлагаемой Н.Я. Данилевским теории о культурно-исторических типах. По его мнению, национальная принадлежность не индивидуализировала, т.е. не определяла особенности человеческой

личности, не влияла на его духовный облик. На основе национальности нельзя было индивидуализировать человека, как на основе пола, возраста, внешних данных. Более значимые и устойчивые социальные связи обеспечивали схожесть статуса, интересов представителей одинаковых сословий в России и Европе [3. Т. 3. Стб. 879]. При признании национальных особенностей у представителей различных социальных групп акцент делался на их близости [2. Т. 3. Стб. 449]. В идентификации личности, Н.К. Михайловский настаивал на несостоятельности определения «русский», «француз», а считал верным определять человека как «французского дворянина», «русского купца», при доминирующей роли социальной принадлежности [5. Т. 4. Стб. 439].

Еще менее значимыми национальные особенности становятся с развитием капитализма, сближающего интересы в рамках одинаковых социальных групп, которые зачастую доминируют над национально-государственными интересами. Убедившись в несостоятельности идеи национального единства и неспособности обеспечивающих его факторов, публицист предложил отказаться от попыток определять насущные и перспективные задачи общества на основе единства национальной идеи либо народного духа. По его мнению, подобные туманные и неопределенные категории использовались политическими силами для реализации интересов высших слоев общества. Он предлагал перейти к оперированию категорией «интересы», исходя из их несовпадения у различных социальных групп русского общества [4. Т. 3. Стб. 823].

Кроме того, Н.К. Михайловский считал важным определиться с соотношением понятий «нация» и «народ», «национальный» и «народный». Как уже отмечалось, нация у публициста – не культурно-историческая, а социальная общность. Он представлял нацию как совокупность «народа», т.е. представителей низших социальных слоев, прежде всего крестьянства, и «публики», т.е. дворянства, купечества, чиновников [6. Т. 2. Стб. 594]. Представители разных политических течений, по его мнению, часто намеренно смешивали понятия народный и национальный, чтобы показать якобы имевшуюся общность интересов в рамках единой нации. Другой прием – апелляция к приоритету общенациональных интересов над народными.

Социалиста возмущало, что для реализации «общенациональных» задач допускалась возможность ухудшения условий жизни народа. Он настаивал на четком определении и разграничении интересов различных сословий и соглашался при-

знавать общенациональными только те цели, в которых учтены интересы народа, т.е. крестьянства. Пока же за национальные выдавались интересы дворянства и буржуазии [6. Т. 2. Стб. 597]. При этом Н.К. Михайловский не предлагал идею реализации общенациональных целей на базе учета интересов всех социальных групп. В его интерпретации национально то, что в интересах народа [4. Т. 3. Стб. 826]. Такая формула на практике означала отказ от поиска общественного компромисса, так как сам публицист исходил из несовпадения, а зачастую противоположности целей народа и публики [2. Т. 3. Стб. 448].

В исторической литературе сложилась неоднозначная оценка роли Михайловского в народническом движении. В работах 1970–1980-х гг. и в современной литературе наряду с трактовкой его идей как прогрессивно-либеральных присутствует точка зрения о сохранении во взглядах Михайловского апологетики социалистического пути развития России и связи с революционным подпольем [1. С. 30; 7. С. 254–255, 298–299]. Приведенные выше взгляды публициста на национальную проблематику позволяют обнаружить их близость воззрениям представителей радикального крыла народничества. Отрицание возможности национальной консолидации в силу классовой разобщенности общества и усиление тенденции к возрастанию значимости социальной солидарности по сравнению с этнической было для него безусловным. Не нация, а народ, то есть совокупность эксплуатируемых классов, являлся для него объектом защиты и одновременно субъектом исторического развития. Что же касается отношения к революционным методам, то публикация в подцензурных журналах, безусловно, исключала возможность для Н.К. Михайловского прямо высказать свои взгляды на пути и способы решения важнейших проблем России. Но, очевидно, что решение национальных проблем он видел только через ликвидацию социального неравенства и угнетения: «Другими словами, уничтожение племенной вражды и розни, дело национальное достигается попутно, само собою, если вместо измышления специально национальных средств будет обращено внимание на дело народное. Таким образом, не пропадет даром ни одна капля крови, пролитая в прежнее время ради чисто политических целей, поскольку они были действительно необходимы, а существующая племенная вражда рухнет гораздо проще вернее и бескровно» [6. Т. 2. Стб. 598].

Эволюция взглядов народников по национальному вопросу более заметна у С.Н. Южакова,

Н.В. Шелгунова, И.И. Каблицы. В их работах национальный дискурс формируется как самостоятельный, а не производный от социального. Это заметно при рассмотрении их трактовки национализма. С.Н. Южаков считал национализм порождением XIX в. и, в какой-то степени, его символом. Покончив с религиозной враждой и нетерпимостью, человечество освободило место другим фобиям. Но публицист призывал не спешить с окончательной оценкой националистической идеологии с точки зрения способствования прогрессу или препятствия ему. Он считал, что подобные сложные и многоплановые процессы проявляют свое действие на протяжении целых эпох, и поэтому выводы предстояло сделать уже потомкам. Сам народник видел проявлениями национализма рост вражды и нетерпимости между народами, но допускал существование иных точек зрения, трактующих национализм как проявление патриотизма и служащего гарантией сохранения независимости народов или допускающих возможность только национальных форм развития культуры и искусства [8. С. 162]. Таким образом, в восприятии С.Н. Южакова национализм носил исключительно негативный характер.

По мнению Н.В. Шелгунова, чувство национального единства являлось таким же естественным проявлением человеческой солидарности, как родственные чувства. «Идея сознательной национальности», являвшаяся продуктом XIX века, не содержала в себе изначально прогрессивной или реакционной направленности, приобретая ее в зависимости от целей политических сил его использовавших. Поэтому «идея национальности как прогрессивная сила невозможна без тесной связи с другой идеей, составляющей главную характеристическую черту XIX века – гуманизмом» [9. С. 46–47]. Реализация последней в межнациональных отношениях должна привести к отказу от национального превосходства и признанию прав других национальностей [10. С. 76]. Данная проблема была чрезвычайно актуальна для многонациональной России, чье успешное развитие представлялось невозможным без достижения равенства национальностей. Поэтому националисты, противившиеся этой цели, по словам Шелгунова, «тем самым накладывают руку на волю и права своего собственного народа» [11. С. 43].

Если же идея национальности абсолютизируется, то возникает агрессивный национализм, опирающийся на «национальное своекорыстие» и приводящий к стремлению поработить другие национальности. Примером тому был всплеск французского национализма в эпоху Наполеона I, имев-

ший результатом появление имперской Франции, которая хотела «подавить весь мир и офранцузить все национальности» [9. С. 46].

Разнонаправленность проявлений национализма Н.В. Шелгунов иллюстрировал на примере Германии. Появившаяся в начале XIX в. идея единства немецкой нации изначально выражала настроения патриотично настроенных немцев. Таким образом, национализм был способом мобилизации немцев на отражение наполеоновской агрессии и обретение независимости, что, безусловно, придавало ему прогрессивный характер [12. С. 24–25]. Но уже тогда апологеты «патриотического национализма» Г. Гейне, Л. Берн испытывали тревогу по поводу возможности использования задачи объединения Германии реакционными, милитаристскими силами, прежде всего прусскими. Теперь же, констатировал русский публицист, оправдались их худшие ожидания, и среди немецкой элиты возобладал агрессивный национализм, побуждающий немецкий народ к экспансии, воспитывающий в нем ненависть и презрение к славянским народам [12. С. 25–26].

Следует отметить, что, как и другие народники, Н.В. Шелгунов, одинаково негативно воспринимал идеи о превосходстве русского народа. Славянофильскую доктрину об избранности русских как спасителей гибнущего мира он отрицал, впрочем, как и само предвидение скорого падения европейской цивилизации, считая его не соответствующим историческим реалиям [13. Т. 1. Стб. 110–111].

В условиях становления капитализма, когда многие слои общества находились в неопределенном состоянии, когда перемены к лучшему были неочевидны, росла тревога за будущее, равно как и ожидание ухудшения ситуации, набирали популярность традиционализм, воспоминания о великом прошлом нации. Эта ностальгия порождала идеализированное восприятие истории на уровне народного сознания и использовалась германофилами и славянофилами как важный элемент национального самосознания. Но национальная идея не должна быть ориентирована в прошлое, тогда она теряет свою прогрессивность. Подобные мысли интеллектуалов, искавших национальный идеал в прошлом, часто использовались политиками, оправдывавшими свои агрессивные устремления национальными интересами и апеллировавшими к историческому праву нации в своих претензиях на определенные территории [14. С. 18–19].

С тревогой наблюдая за набирающим силу национализмом в Европе, Н.В. Шелгунов противопоставлял данной негативной тенденции ситуа-

цию в Северной Америке. По его мнению, с момента обретения независимости, основатели Северо-Американских Соединенных Штатов положили в основу государственной политики важнейший принцип, утверждавший невозможность создания национальной независимости и свободы без уважения свободы и независимости граждан [15. Т. 1. С. 145]. Результатом его реализации стало формирование гражданского общества, гарантировавшего своим членам равные права, вне зависимости от национальной принадлежности, которое Н.В. Шелгунов рассматривал как северо-американскую нацию, основанную на гражданской, а не этнической солидарности. Этот феномен, по его мнению, в значительной степени объяснял динамичность развития САСШ и их успехи в политическом и социально-экономическом развитии [15. Т. 1. С. 141–142].

Антитезой национализму Н.В. Шелгунов видел космополитизм, «враждебный самой идее народности» [16. С. 141–142]. Само появление и распространение национализма являлось реакцией на охвативший Европу в XVIII в. «политический космополитизм», под которым публицист понимает внешнюю экспансию и стремление к порабощению других народов. Результатом стало формирование многонациональных империй. Входившие в них народы не были связаны общностью культуры, историческими традициями, а объединялись исключительно силой. Поэтому правящая элита империй стремилась уничтожить народное начало, подавляя «чужую» национальную культуру. Стремление же покоренных народов к независимости облекалось в идейную форму национализма [16. С. 147–148]. В оценке Н.В. Шелгуновым национального движения присутствовало традиционное для социалистов противопоставление двух его разновидностей. Но также заметны и существенные отличия. К борьбе народов за освобождение от национального гнета отношение было позитивным. При этом отсутствовало категорическое требование увязывать ее с социальным переустройством общества. Национализм, трактованный как «абсолютизация идеи национальности», т. е. превосходства одного народа над другими, виделся предпосылкой межнациональной вражды и агрессивных войн.

Принципиально новый подход к данной проблеме предложил И.И. Каблиц. Он попытался выявить сущность национализма в России как идеологии и общественного движения. Свои рассуждения публицист начал с обращения к устоявшейся модели русской общественной мысли, выделяя в ней два направления, которые определял

как «русскую» и «европействующую» группы. Первая утверждала самобытность развития России, вторая настаивала на необходимости подражания европейской модели. Русская группа делилась на три течения: во-первых, тех, кто именовал себя националистами. Их народник считал плохими защитниками национализма, потому, что они «проповедуют только национальный эгоизм в делах международных и бюрократический произвол в делах внутренних», что абсолютно не соответствовало национальным интересам России [17. Т. 1. С. 239]. Во-вторых, это славянофилы, «стремящиеся главным образом к внешнему обрусению нашего интеллигентно-культурного слоя», но выступавшие против реализации в условиях России XIX в. «истинно самобытных принципов землевладения». Этим течениям противопоставлялись народники, «составляющие единственно прогрессивную группу в рядах русской партии» и трактовавшие российскую самобытность в соответствии с народными чаяниями.

В «европействующей» группе выделялись выходцы из земельной аристократии, видевшие своим идеалом Англию, с консервацией господства лендлордов в экономике и политике. Но более влиятельным, по мнению И.И. Каблицы, было течение, опиравшееся на растущую финансовую мощь русской «плутократии» и призывавшее к форсированному внедрению западноевропейского капитализма. Оба варианта виделись публицисту разрушительными для «самобытных форм русской общественности: общины и артели». Прогрессивное течение у западников в трактовке И.И. Каблицы выглядело весьма неопределенным. Сюда относились «прогрессисты всех оттенков (за исключением народников)», доказывавшие необходимость заимствования тех или иных европейских институтов «согласно вкусу каждого из них» [17. Т. 1. С. 240]. Очевидно подцензурный характер книги не позволял использовать термины «социализм» и «социалистическое течение». Но учитывая, что прогрессистами в его классификации «самобытников» являлись народники, под прогрессистами-западниками, вероятно, следовало понимать марксистов. Публицист предлагал исходить из существования как в рядах самобытников, так и в рядах западников ретроградов, консерваторов и прогрессистов. Поэтому И.И. Каблицы был против утрированного восприятия рассмотренных групп, к его сожалению, утвердившегося в российской публицистике, когда «самобытники» выступали как носители консервативных идей, а «европействующие» становились символами прогресса и развития. Причиной тому устойчивая ассоциация «у

наших прогрессистов» идей национализма с взглядами консерваторов и славянофилов. Делалось это осознанно. Таким образом, под национальными особенностями понимались архаичные черты российской действительности, тормозившие ее развитие. Публицист видел здесь способ борьбы с идеей самобытности, чтобы в представлении общества связать идею реформ исключительно с подражанием Европе, а идею самобытного развития «с консервативными и ретроградными поползновениями» [17. Т. 1. С. 239,241].

Между тем, писал И.И. Каблицы, в России постепенно окрепло сознание, что «мы не выродки в человечестве, что подобно остальным народам мы имеем свою физиологию, свои национальные черты. Вместе с развитием сознания достоинства в личности развивалось и сознание национального достоинства». Поэтому, утверждал народник, прогрессисты, настаивающие на неспособности русского общества обойтись без заимствований с Запада противопоставляли реформы «окрепшему национальному достоинству» [17. Т. 1. С. 241]. Пытаясь выявить необходимое для оптимального развития народов соотношение самобытного и заимствованного, И.И. Каблицы обратился к проблеме взаимодействия национальной и общечеловеческой составляющих исторического прогресса. Он не отрицал наличия универсальных, общечеловеческих ценностей, но стремление к общечеловеческой солидарности предлагал не воспринимать как отказ от национальной индивидуальности, обезличивания народов. Человечество может развиваться только как сообщество отличных народов: «единство в разнообразии – вот истинное знамя человеческой солидарности» [17. Т. 1. С. 247–248].

Различия, существовавшие между народами, по его мнению, нельзя было сводить к внешним, расовым признакам, их следовало искать в умственных и нравственных характеристиках. Апеллируя к работам европейских ученых, публицист настаивал на существовании особых национальных характеров, национальных мировоззрений. При этом он утверждал возможность доминирования каких-либо черт в народном характере, делающих данный народ склонным к агрессии либо лишенным агрессивности. Подобная «специализация» неизбежно проявляется в исторической деятельности народа и определяет роль «народов-хищников» и «мирных народов» [17. Т. 1. С. 255–256]. Различия в умственном и нравственном потенциале изначально присущи каждому народу, не зависят от уровня развития общества. По мнению И.И. Каблицы, прогрессивная идея необходимости

достижения политического и правового равенства представителей разных национальностей и различных рас трансформировалась в неверное представление о равенстве их духовного строя и умственных возможностей. Публицист делал акцент не на превосходстве наций, а на различии в их мировосприятии, несовпадении системы ценностей, неизбежно приводящих к разнообразию форм организации обществ [17. Т. 1. С. 261–262].

Вероятно, оппонируя марксизму, И.И. Каблиц отрицал исключительно экономическую детерминированность общественных форм. По его логике, если экономика влияет на характер народа, то и характер народа может определять тип экономики. Таким образом, разнообразие национальных черт реализуется в характере общественной организации и «нет и не может быть никакой идеальной общественной формы, годной для всех народов» [17. Т. 1. С. 243]. Поэтому публицист считал общинное землевладение не архаической формой, не результатом экономической отсталости России, а проявлением ее самобытности, ее национальной чертой. Народник выступал против восприятия самобытности как уникальности, ведущей к самоощущению избранности: «По нашему мнению, любовь к своему народу совершенно не обязывает презирать другие» [17. Т. 1. С. 269]. Он не воспринимал уничижительные или превосходные интонации в сравнении Европы и России. Поэтому идеи о российском мессианстве, спасающем гибнущий мир и идущем на смену разлагающейся Европе, И.И. Каблицем оцениваются как искажение принципов национализма. Перспективы прогресса России связывались с реализацией национальных общественных форм. Но и Европа неизбежно найдет свой вариант развития, основанный на национальных чертах проживающих здесь народов [17. Т. 1. С. 262–263, 269]. Возможность использования исторического опыта других народов не исключалась, поскольку близость национальных характеров порождает сходство типов организации общества, но «только подспорьем при отыскании самобытного пути развития» [17. Т. 1. С. 244].

По мнению И.И. Каблицы, самобытность – естественный результат развития народа. Несамобытное развитие реализуется всегда вопреки воле народа и «может быть осуществлено только путем насилия» [17. Т. 1. С. 264]. Все народы стремятся к поиску приемлемых и удобных форм общественной организации, «приноровленных к их национальным особенностям». Таким образом, национализм в интерпретации И.И. Каблицы – система идей, основанных на присущих данному народу

особенностях мировосприятия, нравственных ценностях, определявших в соответствии с ними направление развития общественных институтов. Реформаторы, стремившиеся к консолидации общества, для реализации своих целей обязаны были, по его убеждению, выстраивать свои проекты исходя из принципов национализма. Реформы, не носящие националистического характера, антинародны, поскольку предполагают навязывание чуждых общественных форм и стандартов. Они смогут быть осуществлены только насильственным путем и их последствия будут исключительно негативны. «Национализм, следовательно, никаким образом не может считаться врагом реформ; его требования заключаются в том, чтобы прогресс общественных форм был основан не на подражании Западу, а на саморазвитии наших народно-бытовых начал» – и консерваторы, выступавшие против любых реформ, и либералы, не видевшие иных вариантов, кроме копирования западной модели, в представлении народника, не могли быть националистами [17. Т. 1. С. 263, 273].

Национализм, в определенной степени, был дискредитирован в представлении прогрессивной общественности России в результате того, что долгое время был «объектом злоупотребления» ретроградов [17. Т. 1. С. 275]. Но отвергать его на этом основании публицист считал неправильным. Следовало разоблачать консервативный национализм, основанный на представлении о праве одних наций поработать другие. Тем самым будет реабилитирован «истинный национализм, признающий национальные черты каждого народа, которые определяют самобытность его развития». Основопологающим принципом его является утверждение, что «всякая народность имеет право на существование и развитие». Истинный национализм предполагал необходимость выстраивания межнациональных отношений на основе сочетания «национального эгоизма» и «национального альтруизма». Руководствуясь первым принципом, нация защищает свои права от всякого рода нарушений, под влиянием второго она не нарушает прав других [17. Т. 1. С. 265–266].

И.И. Каблиц указывает на ситуацию, когда национализм становится объектом недобросовестных манипуляций. Он обвинил Э. Ренана в сознательном пренебрежении принципами национализма в угоду политическим интересам. Французский ученый, стремясь доказать беспочвенность германских претензий на Эльзас и Лотарингию, обратился к своей идее о невозможности возникновения единства нации в результате этнического родства ее элементов. Поэтому для него не важен эт-

нический состав спорных территорий. Существенна лишь самоидентификация эльзасцев и лотарингцев по отношению к германской и французской нации. Э. Ренан напомнил немцам, что абсолютизация идеи обязательного объединения народа в рамках единого государства и апелляция к этнической истории для оправдания своих претензий может обернуться против них [18. Т. 4. С. 266–267]. В условиях пробуждения у славян национальных чувств, это становится угрозой уже для германского государства. Французский ученый полагал более разумным «уметь забыть многое» и не руководствоваться только «этнографической политикой» и, по мнению И.И. Каблицы: «...Ренан, защищая права Франции на отторженные провинции, в то же самое время готов допустить несомненность прав немцев на славянские земли» [17. Т. 1. С. 265].

Русский публицист был убежден, что у славян нет необходимости прибегать к подобной системе двойных стандартов в национальном вопросе, в силу иных межнациональных отношений: «Правда, и славяне кое-где господствуют над другими национальностями, но это по большей части мелкие, разрозненные племена, не имеющие силы дать отпора культурному влиянию более многочисленного славянского народонаселения. Даже предположив, что мордва и зыряне, татары и самоеды и т.д. станут тоже под знамя национализма, все-таки славянам гораздо выгоднее держаться этого знамени, так как их выигрыш будет гораздо больше проигрыша» [17. Т. 1. С. 266].

Подобные пассажи И.И. Каблицы искажали этнополитическую ситуацию в России и Восточной Европе. Прежде всего, он сам совершал ошибку, в которой обвинял своих оппонентов, смешивая понятия нации и государства. Следовало различать культурное влияние, оказываемое одним народом на другой, и национальную экспансию, проводимую государством. Вне пределов Российской империи славянские народы, действительно, находились скорее в подчиненном, чем в господствующем положении и в политическом, и в культурно-языковом плане. Что же касается России, то здесь, кроме влияния русской культуры и русского народа на другие народы, следовало учитывать и проводимую правительством русификаторскую политику. Не вдаваясь в подробности, необходимо учесть, что она предполагала распространение русского языка, элементов русской культуры. Поэтому не следовало упрощать характер межнациональных отношений в России, сводя их к отношениям славянских и неславянских народов. Заявление И.И. Каблицы о составе неславянских народов

России, их малочисленности и несостоятельности как субъектов исторического творчества, безусловно, не соответствовало действительности. Вряд ли неумышленно были забыты народы Кавказа, Средней Азии, Прибалтики, по собственному признанию публициста, обладавшие всеми признаками национальности. Да и само славянское единство выглядит сомнительным, достаточно вспомнить противостояние польской и русской, польской и малоросской, русской и малоросской идентичностей, описанное в этой же книге [19. Т. 2. С. 366–367]. В результате встает вопрос о корректности объединения славян в некое этнокультурное единство, способное к консолидированному влиянию на окружающие народы. Не совсем понятно, к какой этнической категории публицист относил славян. В контексте анализируемого сюжета славян можно рассматривать как нацию, поскольку И.И. Каблицы проводит прямую аналогию с немцами и французами. Подобные заявления очень похожи на славянофильские, от чего народник всегда старательно открещивался. В то же время констатация этнического единства славян не предполагала трансформацию его в единство государственное: «Говоря о необходимости для славян руководствоваться принципом национализма, мы не хотим этим сказать, что они должны, а тем менее обязаны составить одно государство. Принцип национализма, вопреки понятию о нем некоторых немцев и Ренана, не обязывает нацию состоять в одном политическом целом» [17. Т. 1. С. 266].

При всей своей неоднозначности, размышления И.И. Каблицы о национализме стали новацией не только в социалистической интеллектуальной среде, но и в русском национальном дискурсе. Он одним из первых предложил отойти от исключительно негативной трактовки понятия национализма как идеи национального превосходства. В его представлении национализм мог быть средством и способом консолидации всех слоев общества, и оценка должна была даваться не способу единства, а целям, которые нация ставит перед собой.

Констатируя развитие национализма, народники стремились понять, каким образом данный процесс отразится на многонациональной России. Прежде всего, стал очевидным их отказ от идеи общеславянского объединения в какой-либо форме. Изменилась и направленность критики славянофилов. Теперь акцент делался не на отрицании славянской солидарности в условиях социальной разрозненности славянских народов, а на национальных различиях между ними. Н.В. Шелгунов

опровергал представление славянофилов о наличии у славян особых, присущих только им, изначально приобретенных национальных черт и качеств, долженствующих послужить обновляющим началом для всех других народов. Он отстаивал идею, согласно которой каждый народ являлся продуктом исторического развития и на каждом историческом этапе должен был адаптироваться к меняющимся условиям, изменяясь при этом и сам. Соответственно, национальные особенности не могли оставаться неизменными: «У каждого народа есть своеобразные особенности в характере, свои достоинства и недостатки, созданные предыдущей историей, общественными учреждениями и складом общественной жизни» [20. С. 18].

Публицист, признавая наличие национальных типов, полагал важным выделять их в точном соответствии с исторической эпохой, определявшей основы народности на каждом отрезке времени: «Русский – это конгломерат всего пережитого, пережитого и заимствованного древним славянином в длинный период его исторической жизни. Поэтому попытки славянофилов создать идеал русского из присущих будто бы ему коренных славянских элементов есть не больше, как наивное неведение условий интеллектуального развития России. Такого русского нет и быть его не может» [21. Т. 1. С. 240]. То есть русский у Шелгунова уже не славянин с неизменными культурными и ментальными чертами, а представитель народа, проживающего в Российском государстве в конце XIX в.

Важнейшую роль в выстраивании перспектив национальных отношений в России народниками-реформаторами играло формирование нового представления о русской нации. Для С.Н. Южакова важно было разграничить категории «нация» и «национальность». Национальность в его интерпретации – «этнографическая единица», синонимичная понятию «народность» [22. С. 104]. Нация характеризовала общность иного порядка, создающаяся множеством факторов (не только этнических). Обосновывая свои взгляды, публицист обращался к идеям Э. Ренана и вслед за ним утверждал, что в ходе исторического развития человек формирует различные виды сообществ: этнографическое единство создает народность, религиозное – веру. Отечество возникает как реализация государственного единства. Данные типы объединений были характерны для ранних этапов становления человечества. Нация «есть продукт новой европейской истории», и ее появление связано с достижением определенного уровня зрелости человеческого общества. Предпосылкой по-

добного единения могут выступать «этнографическое родство, язык, религия и государственное единство» [22. С. 103–104]. Но сами по себе указанные факторы не могут сформировать нацию. Необходимо, чтобы в ходе общего исторического опыта возникло национальное сознание, в основе которого стремление индивидов «быть вместе, жить и работать сообща». Именно это «моральное основание и добрая воля индивидов» делают их нацией: «...общая история, общие успехи и общие поражения, общая слава и общие страдания, общие труды на общую пользу вырабатывают это сознание, спаивающее обширные группы людей в единое национальное тело» [22. С. 104].

С.Н. Южаков неоднократно подчеркивал принципиальное отличие нации как «высшей сознательно-солидарной, самодеятельно-согласованной, моральной формы» от других «бессознательно-естественных и сознательно-принудительных форм общности» [22. С. 105]. Публицист не показывал, как возникает стремление к национальному единству, как осуществляется переход на качественно иную стадию сосуществования, что является критерием наличия или отсутствия национального сознания. Следует учитывать, что Э. Ренан постулировал формирование европейских наций в результате достижения высокого уровня развития европейского общества [23. Т. 6. С. 101–102]. С.Н. Южаков, экстраполируя его идеи на Россию, не отмечал, насколько далеко зашел процесс формирования российской нации. Но, обращаясь к истории человечества, он представлял его как постепенное «пробуждение» народов к сознательному историческому творчеству. Славянские народы включились в данный процесс позже латино-германских, при этом «Россия заняла свое место в европейском ареопаге уже в Новое время» [24. С. 149]. Поэтому единое национальное сознание в России, по его мнению, уже развивалось, но еще не вступило в стадию завершенности.

Публицист не акцентировал внимания на истории формирования российского государства, способах присоединения новых территорий. В результате желание народов жить в составе единого государства не подвергалось сомнению. С.Н. Южакова интересовал лишь вопрос о том, насколько этническая разнородность России может помешать становлению ее национального единства. Опыт Европы убеждал его в успешности национального строительства на полиэтнической и поликонфессиональной основе. Осознание личностью себя частью нации отодвигает на второй план ее этническую и религиозную принадлежность.

Разводя понятия нации и национальности, С.Н. Южаков не считал, что этническое единство необходимо для консолидации нации. Развитие самобытности народностей, их культуры, искусства, языка не только не вредит консолидации российской нации, но способствует ей. Обращаясь к примеру «Русской Армении», публицист пытался показать, что армяне, сберегая и развивая язык, культуру, обычаи, не перестают ощущать себя россиянами. Более того, любые призывы к ущемлению народной самобытности наносят гораздо больший ущерб идее национального единства, так как порождают вражду и недоверие между элементами нации [22. С. 105].

Отмечая несовпадение политического и национального единства, С.Н. Южаков тем не менее иногда ставил знак равенства между российским государством и российской нацией. Так, стараясь убедить читателей, что в стремлении к этнографической автономности не стоит искать сепаратизм, он приходит к выводу о безопасности данного явления для единства национальной идеи именно в силу того, что в нем нет угрозы единству государства [22. С. 102–103]. Далее, вывод об отсутствии связи между этнографическим и национальным единством он напрямую связывал с положениями книги профессора Афанасьева, опровергавшего тезис о недостижимости государственного единства «вне единства этнографического и лингвистического» [22. С. 105].

Свое понимание перспектив эволюции народностей России в единую нацию публицист изложил в ходе анализа статьи профессора А.А. Потебни, посвященной сопряженности двух неоднозначных тенденций, обозначившихся в ходе прогресса человечества: сохранения этнической самобытности и усиления взаимовлияния народов и их культур. А.А. Потебня считал национальность единственно реальной формой человеческой общности. Напротив, человечество воспринималось им как некая абстракция. Человек как личность может реализоваться только через принадлежность к народности, национальности, являющейся важнейшим идентификатором индивида. Прогресс человечества возможен только в национальной форме – через развитие народов, сохраняющих и укрепляющих свою индивидуальность. Поэтому денационализация, обращение к общечеловеческим ценностям не только губельны для народа, но и ведут к регрессу всего человеческого сообщества. С.Н. Южаков не считал вопрос о формировании общечеловеческой цивилизации актуальным, рассматривая возможность его разрешения в отдаленной перспективе. Для него важно было

показать неправильность самого подхода А.А. Потебни, основанного на антагонизме национального и общечеловеческого начала: «... ни слияние ни самобытное развитие народностей не имеем основания считать непременно и во всяком случае прогрессивным или регрессивным» [22. С. 116]. Он возражал против абсолютизации роли национального фактора в развитии общества и указывал на ошибку А.А. Потебни, сосредоточившегося исключительно на проблемах национального языка и литературы. Народник предлагал рассматривать перспективы национальности с точки зрения развития всех ее элементов. По мнению публициста, если народ будет замыкаться в своих национальных рамках и отгораживаться от достижений мировой культуры, науки, то результатом будет замедление его прогресса.

Экстраполируя свои мысли на Россию, он акцентировал внимание на характер межнациональных связей в условиях, когда одна из национальностей доминировала численно, в культурном, экономическом развитии. С.Н. Южаков выступал против принудительной русификации. В то же время публицист выражал уверенность в больших шансах на выживание и успешное развитие крупных народов: «... только многочисленная народность может создать действительно великую литературу, искусство, философию, культуру, может выделить достаточно для того число талантов и достаточно средств» [22. С. 116]. Обращаясь к примеру вендов (мужичан), численность которых составляла 140 тысяч человек, С.Н. Южаков не без сарказма замечал, что славянский ренессанс у данной народности не продвинулся дальше «азбуки и календарей». Поэтому единственным выходом он видит приобщение вендов к европейской культуре через слияние с каким-либо более сильным соседом. Таким образом, для С.Н. Южакова критерием жизнеспособности народа выступает возможность его участия в прогрессивном развитии. Иначе говоря, денационализация оправданна, если национальность не способна обеспечить такого участия своим членам. При этом для публициста вторично языковое и культурное родство народов, так как вендам он предлагал вхождение в состав не только поляков или чехов, но и немцев. В любом случае, С.Н. Южаков настаивал, чтобы слияние было естественным, постепенным, медленным, «по мере, так сказать выветривания национального духа» [22. С. 116].

Взгляды С.Н. Южакова на перспективы российского многонационального государства представляются неоднозначными. Он постулировал возможность существования либо формирования

русской (российской) нации как полиэтнической, поликонфессиональной общности, при сохранении и развитии самобытности языков и культур народностей ее составлявших. При этом допускалась культурная автономия и исключалась политическая, трактовавшаяся как сепаратизм. Но публицист не предполагал приоритетности сохранения этнического состава, оправдывая возможность «естественной» и постепенной ассимиляции многочисленных народностей, неспособных к прогрессивному развитию более крупными и развитыми.

И.И. Каблиц, определяя свою позицию по вопросу о национальном устройстве России, анализирует работу профессора Н.Г. Дебольского, утверждавшего, что целью нравственной деятельности человека должно быть сохранение «верховного неделимого», которым является народный союз или народность. Ссылаясь на идеи Э. Ренана, Н.Г. Дебольский писал: «Народность не есть ни порода, ни язык, ни государство, но тот дух, который их скрепляет» [17. Т. 1. С. 178]. Таковой народностью или «верховным неделимым» он считал Россию. По мнению И.И. Каблиц, Россия отличалась не только этнической пестротой, но и очевидным несовпадением духовных, языковых и культурных основ составлявших ее народов. Он отмечал: «Вообще, странно говорить о «духовной неделимости – России», заключающей в себе такие явления, как Финляндия, и объединяющей только внешним, государственным единством массу народностей, принадлежащих индоевропейской и тюркско-татарской расам» [17. Т. 1. С. 179]. Исторические корни, традиции, религия их настолько контрастировали, что скорее стоило предположить возможность близости русских и французов, нежели искать общее с «русскими киргизами» или «русскими евреями».

Публицист также указывал на очевидное противоречие в рассуждениях Н.Г. Дебольского, подчеркивавшего, что единство народности основывается на общности сознания, самоидентификации людей как представителей данной народности. Но именно подобное общероссийское национальное сознание, полагал И.И. Каблиц, отсутствовало, так как большинство россиян идентифицировали себя по этнической принадлежности как поляки, финны, грузины и т.д. [17. Т. 1. С. 178]. Критикуя Н.Г. Дебольского, публицист вступает в необъявленную полемику с С.Н. Южаковым, также считавшим Россию нацией, сплоченной общим сознанием. Но С.Н. Южаков не видел противоречия в одновременной национальной и этнической принадлежности человека, то есть восприятие себя

как россиянина не мешало армянину или малороссу сохранять духовную связь со своей народностью [22. С. 105]. Отрицание национального единства России приводит И.И. Каблиц к выводу, что «Россия» – только государство, т.е. совокупность народностей, исторически сгруппированных вокруг наиболее физически сильной народности, с целью достигнуть этим наибольшей внутренней и внешней безопасности» [17. Т. 1. С. 179]. Публицист считал, что понятия «нация», «национальность», «народность» означают одно и то же – этническую общность.

Народник был убежден, что для политического единства не нужно единство этнографическое. Полная ассимиляция в условиях современного ему государства невозможна, а попытки ее реализации нанесут огромный вред единству многонационального сообщества [19. Т. 2. С. 344–345]. Стремление народов к сохранению самобытности не может нанести ущерба единству государства. Но ограничение и дискриминация национальностей, всегда порождают возрастающее противодействие. Для многонационального сообщества, считал народник, угрозу представлял только политический сепаратизм, который следовало отличать от этнографического. Публицист стремится доказать, что культурно-национальная автономия вполне реализуема без политической, при условии толерантной и адекватной национальной политики [19. Т. 2. С. 346–347].

Анализируя особенности межнациональных отношений в России, И.И. Каблиц писал, что ее «политическое тело состоит из множества этнографических элементов», при этом большинство народов, входящих в состав империи, малочисленно по сравнению с «цементирующим великорусским племенем». В то же время существовали и крупные этнографические элементы, такие как финны, поляки, малоруссы, белоруссы, татары, литовцы, грузины, армяне и т.д. Поэтому публицист подчеркивал, что «в числе важнейших вопросов внутренней политики находится вопрос об отношении господствующего племени к остальным, как к самостоятельным этнографическим особям» [19. Т. 2. С. 344]. Большую надежду народник возлагал на природное миролюбие и толерантность русского народа, который «вообще не способен к национальному хищничеству и никогда сознательно не стремился обрусить чужое племя». Он более всего был озабочен перспективой развития национализма финских народов. Вероятно, здесь речь идет не об угрозе российскому государству в целом, а только о возможности конфликтов в северо-западном ареале компактного проживания рус-

ских. Расселение еще восточно-славянских племен происходило в том числе на землях, заселенных финно-угорскими племенами [19. Т. 2. С. 344–345]. Как уже отмечалось, публицист четко оговаривал, что национализм в его трактовке не ставил целью обязательное соби́рание нации в одном государстве, оставляя право решения вопроса за народом [17. Т. 1. С. 266]. Но данный принцип почему-то не реализовался в его видении перспектив решения национальных проблем России.

Показательно, что положительным примером решения национального вопроса выступала Франция с ее унитаризмом. Таким образом, И.И. Каблиц расставлял акценты в своем видении модели российского государства – «Русский народ в своих отношениях к чужим племенам, вошедшим в состав его политического тела, способен отнестись беспристрастно и справедливо к их этнографическим требованиям» [19. Т. 2. С. 348]. Российское государство должно было оставаться преимущественно русским, при безусловном доминировании русского этнического, языкового и культурного элемента, которое, впрочем, обеспечивалось не юридическим закреплением преимуществ русских, а преобладанием численности, развитой культурой. Политическая автономия национальных регионов исключалась, допускалась автономия этнографическая, т.е. культурно-национальная. Приведенные выше идеи народников-реформаторов позволяют говорить о существенных различиях между ними в трактовке национальных проблем России. Н.К. Михайловский сохранил приверженность традиционному принципу первичности социальных факторов по отношению к национальным. В результате в его трудах нация утрачивала историческую перспективу как форма солидарности и не рассматривалась в качестве самостоятельного субъекта общественных процессов. Иной подход развивался в публицистике С.Н. Южакова, Н.В. Шелгунова, И.И. Каблица.

Принципиальным стал отказ от идеи отмирания наций в какой-либо очевидной перспективе и признание значимости национальной идентичности в будущем общественном устройстве. Это привело к выстраиванию проектов развития России как многонационального государства в существовавших границах. Актуальной становилась задача выработки форм и идей, способных сплотить полиэтничное и поликонфессиональное общество. С.Н. Южаков выражал надежду на то, что Россия вслед за европейскими народами сможет сформироваться как нация, придя к пониманию необходимости единства для совместного развития по пути прогресса. В интерпретации

И.И. Каблица Россия сформировалась как результат длительной совместной борьбы народов, объединившихся в единое государство. При кажущемся расхождении во взглядах народники предлагали одинаковые конструкции. Русский народ был объединяющим началом и в «нации» Южакова, и в «государстве» Каблица. Полиэтничность у обоих не была препятствием национального или государственного единства, поэтому насильственная ассимиляция не рассматривалась как способ ее достижения. Но поскольку постулировалась идея безусловного доминирования русского этноса, как самого развитого и многочисленного, то естественная ассимиляция считалась неизбежным и с точки зрения содействия общему прогрессу России позитивным процессом. Стремление национальностей к сохранению языка, культуры, традиций не возбранялось и даже определялось фактором сохранения стабильности всего сообщества. В то же время категорически отвергалось стремление к политической самостоятельности, трактованное как сепаратизм, вредный и для нации, и, в конечном итоге для самих народов. В результате становилось очевидным сближение данного варианта народнической традиции с российским либеральным дискурсом в выстраивании перспектив национально-государственного устройства России и принципов межнациональных отношений.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Балуев Б. П.* Либеральное народничество на рубеже XIX–XX вв. М.: Наука, 1995. 267 с.
2. *Михайловский Н.К.* Десница и шуйца Льва Толстого. Записки профана // Полн. собр. соч. СПб.: Издание ред. журнала «Русское богатство». 1909. Т. 3. С. 424–471.
3. *Михайловский Н.К.* Россия и Европа. Записки профана // Полн. собр. соч. СПб.: Издание ред. журнала «Русское богатство». 1909. Т. 3. Стб. 854–887.
4. *Михайловский Н.К.* Все о том же. Записки профана // Полн. собр. соч. СПб.: Издание ред. журнала «Русское богатство». 1909. Т. 3. Стб. 815–832.
5. *Михайловский Н.К.* Письма о правде и неправде // Полн. собр. соч. СПб.: Издание ред. журнала «Русское богатство». 1909. Т. 4. Стб. 382–463.
6. *Михайловский Н.К.* Из литературных и журнальных заметок 1874 года // Полн. собр. соч. СПб.: Издание ред. журнала «Русское богатство». 1907. Т. 2. Стб. 571–600.
7. *Виленская Э.С.* Н.К. Михайловский и его идейная роль в народническом движении 70-х – начала 80-х гг. XIX века. М., 1979. 301 с.
8. *Южаков С.Н.* Дневник журналиста. Сионистское движение среди евреев // Русское богатство. 1897. №12. Отд. 2. С. 161–180.
9. *Шелгунов Н.В.* Новые книги // Дело. 1869. № 9. С. 30–71.
10. *Шелгунов Н.В.* Податный вопрос // Дело. 1871. № 11. С. 71–128.
11. *Шелгунов Н.В.* Ископаемые люди. Варшава (СПб.): Правда, 1907. 64 с.
12. *Шелгунов Н.В.* Первый немецкий публицист // Дело. 1870. № 8. С. 1–34.

13. *Шелгунов Н.В.* Три народности // Соч. СПб.: Тип. Н.Н. Скороходова. 1895. Т. 1. Стб. 93–111.
14. *Шелгунов Н.В.* Гений молодой Германии // Дело. 1870. № 10. С. 1–34.
15. *Шелгунов Н.В.* Американские патриоты // Соч. СПб.: Тип. В. Дамакова. 1871. Т. 1. С. 100–146.
16. *Шелгунов Н.В.* Гуманные теории и негуманная действительность XVIII века // Дело. 1870. № 3. С. 120–169.
17. *Каблиц И.И.* (Юзов) Основы народничества. СПб.: Тип. И.А. Лебедева, 1888. Т. 1. 464 с.
18. *Ренан Э.* Интеллектуальная и моральная реформа Франции // Собр. соч.: В 12 т. Киев: Изд-во Б.К. Фукса. 1902. Т. 4. С. 196–197.
19. *Каблиц И.И.* (Юзов) Основы народничества. СПб.: Тип. И.А. Лебедева, 1893. Т. 2. 509 с.
20. *Шелгунов Н.В.* Основы рационального воспитания // Дело. 1871. № 7. С. 1–48.
21. *Шелгунов Н.В.* Новый ответ на старый вопрос // Соч. СПб.: Тип. В. Дамакова. 1871. Т. 1. С. 223–254.
22. *Южаков С.Н.* Дневник журналиста // Русское богатство. 1895. № 10. С. 99–121.
22. *Ренан Э.* Что такое нация // Собр. соч. Киев: Изд. Б.К. Фукса, 1902. Т. 6. С. 89–102.
23. *Южаков С.Н.* Дневник журналиста // Русское богатство. 1897. № 2. Отд. 2. С. 148–169.